

Шэнь Цюэ с трудом приподнялся на локтях. Линь Се наконец разжал руки, и стоило Шэнь Цюэ опустить голову, как он заметил на своем плече толстый слой бинтов. Похоже, грудная клетка была сломана: каждое движение отзывалось острой болью, словно в кости вонзали раскаленные шилья.

Внутренности будто сдвинулись с мест, нота от глухой боли. В горле стоял горький привкус лекарства вперемешку с металлическим привкусом крови. Хотя он и не мог говорить, это ощущение было невыносимым.

Он не сдержался и закашлялся, отчего раны на теле отозвались новой вспышкой боли.

Шэнь Цюэ сел, нащупал короткие черные сапоги и, пошатываясь, перебрался к чайному столику. Он потянулся к чайнику, чтобы налить воды.

Вода давно остыла, а руки дрожали так сильно, что половина содержимого пролилась на стол.

Линь Се, не стесняясь, подпер рукой щеку и с любопытством наблюдал за его попытками, даже не думая помочь. Мало того, что он оставался безучастным зрителем, так еще, дождавшись, пока Шэнь Цюэ выпьет, с усмешкой спросил:

— Не нальешь мне? Таково гостеприимство господина Шэня?

Шэнь Цюэ посмотрел на него.

Линь Се не отвел взгляда, прямо встретив его глаза:

— Кто, кроме меня, придет провести тебя в этом поместье? Ты во сне плакал, я сам вытирал твои слезы.

Он произнес это с невозмутимым видом, словно совершил великое благодеяние. У Шэнь Цюэ закружилась голова — то ли от гнева, то ли от жара.

Когда-то его затащили просить милости у Будды, и тогда они получили четки, пролежавшие перед алтарем десятков лет. Но Шэнь Цюэ, которого притащили за компанию, ничего не досталось — старый монах сказал, что сердце его неискренне и Будда не желает его спасать.

Однако он недооценил бесстыдство этого человека. Чем больше Шэнь Цюэ отстранялся, тем ближе тот придвигался. В конце концов Линь Се просто сжал его подбородок и прильнул к губам.

Линь Се прикинулся дурачком и нарочно спросил:

— О ком ты спрашиваешь?

Шэнь Цюэ и так был в полубморочном состоянии, а теперь, задыхаясь, из последних сил ударил Линь Се кулаком в челюсть.

Линь Се взял фарфоровую чашку, внимательно ее осмотрел. Глазурь была неровной, на ощупь неприятной, рисунок сосны нанесен небрежно — такая посуда в обычное время никогда не появилась бы в его поле зрения.

Неожиданно Шэнь Цюэ кивнул и охотно согласился:

— Хорошо, наливай.

Этот поцелуй не был легким касанием. Губы плотно сомкнулись, и дыхание, от которого по коже бежали мурашки, стало еще ближе. Шэнь Цюэ бессильно сопротивлялся, но тот не желал его отпускать.

Если бы ночь не была так глубока и он не мог пойти расспрашивать других, Шэнь Цюэ не стал бы обращаться к нему.

Шэнь Цюэ замер. Он давно догадался, что Линь Се не уйдет просто так. В прошлый раз он позволил ему смотреть, если тот хотел, но теперь, явившись снова, он явно пришел взыскивать долг.

— В мыслях ты проклинаешь меня, — Линь Се подался вперед, подперев рукой щеку, и коснулся своим носом его носа, насмешливо улыбаясь, — но все равно пришел спрашивать. Раз я тебе так противен, с чего бы мне отвечать?

Это была вещь Шэнь Ло. Он был набожен и в каждый выходной ходил в храм возжечь благовония. Он говорил, что они, служа Ванъе, погубили бесчисленное множество душ, и по ночам к ним в сны приходят те, кто не должен был умирать, и плачут.

Шэнь Цюэ отвел лицо. На таком близком расстоянии дыхание Линь Се обжигало губы, сбивая его с толку.

Увидев, как Шэнь Цюэ сверлит его взглядом, Линь Се усмехнулся:

— Что делать, кажется, я еще не хочу пить.

Выпив холодной воды, Шэнь Цюэ немного прояснился в уме и жестами показал Се Шигуаню:

— Я налью тебе воды, ты выпьешь и уйдешь. Договорились?

Тот лишь повертел чашку в руках, но пить не собирался.

Шэнь Цюэ действительно был неискренен, но он полагал, что причина, по которой Будда не хочет его спасать, кроется лишь в скудных подношениях и недостатке денег на благовония.

Шэнь Цюэ, колеблясь и опасаясь, что тот не выпьет все за раз, осторожно налил лишь полчашки.

Шэнь Цюэ, вероятно, совсем обессилел от жара и уже не мог злиться, поэтому медленно показал руками:

— Кто еще здесь, кроме меня?

Он коснулся четок из зеленого сандала и вспомнил о Шэнь Ло:

— А Шэнь Ло еще здесь?

Он изо всех сил толкнул Линь Се в плечо и показал жестами:

— Не хочешь отвечать — не надо, отойди от меня.

Не обращая на него внимания, он повернулся и побрел к кровати. Только присев, он вдруг заметил висящие у изголовья четки из зеленого сандала с зеленой кисточкой толщиной в палец.

Видимо, из-за болезни движения стали медленными, и Линь Се удалось увернуться, но хватка его наконец ослабла. Шэнь Цюэ бессильно рухнул на постель, тяжело дыша.

Линь Се не собирался отступать. Он навис сверху, вглядываясь в покрасневшие от стыда и злости глаза:

— Какой же ты глупый. Впервые целуешься?

Шэнь Цюэ схватил фарфоровую подушку в форме тигра и швырнул в него. Хотя она была полый, вес имела немалый, и удар мог оставить синяк.

Линь Се невозмутимо поймал подушку и насмешливо протянул:

— У рта немного, кроме того, что он горячий, нет никаких особых достоинств. Ты такой бестолковый и совсем не красавец, чем ты собираешься меня удержать?

В глазах Шэнь Цюэ этот человек был сумасшедшим. Он подглядывал за ним, выведал его тайны, а теперь использует их для шантажа и унижений. Шэнь Цюэ ненавидел его всей душой — как он мог хотеть его удержать?

Истинное безумие.

— В тебе нет того, что мне нужно, — словно прочитав его мысли, Линь Се склонился ниже, так что пряди волос коснулись щеки Шэнь Цюэ. Он нежно большим пальцем убрал их в сторону. — Тогда зачем мне хранить твои секреты?

Сердце Шэнь Цюэ дрогнуло, ресницы затрепетали.

Он попытался вырвать руки, чтобы что-то сказать, но Линь Се крепко прижал их к постели:

— Ты хочешь спросить, чего я на самом деле хочу, верно?

Он угадал. Взгляд Линь Се не оставлял выбора, Шэнь Цюэ пришлось кивнуть.

— Я хочу, чтобы ты был послушным, — Линь Се снова улыбнулся. Он любил улыбаться, но в его глазах не было ни капли тепла, лишь холодная насмешка. — И ублажал меня.

Шэнь Цюэ все понял. Этот человек считал его бесправной игрушкой, еще более никчемной, чем актеры из театральных трупп. У него ничего не было, нечем было поживиться, кроме этого изуродованного тела...

Это тело вызывало отвращение даже у него самого, как этот извращенец может...

Шэнь Цюэ промолчал, его сердце разрывалось от противоречий. В какой-то миг он возненавидел этого человека до глубины души — за его высокомерные насмешки, за его грязную, извращенную душу.

Он ненавидел и себя — трусливого и излишне сентиментального. Имея такое жалкое тело, он еще смел любить того, кто был для него недостижим.

Он даже ненавидел свою рано умершую мать. Почему в тот день она не дала ему порцию мышьяка, почему оставила его, калеку, влачить жалкое существование в этом мире?

В этот момент в дверь постучали, и послышался голос Шэнь Сянчжи:

— А Цюэ?

Ответа не последовало, и Шэнь Сянчжи толкнул дверь. Она не поддалась — дверь была заперта на засов, значит, Шэнь Цюэ уже проснулся.

— Шэнь Цюэ, — продолжал стучать Шэнь Сянчжи, — ты спишь?

В следующее мгновение он услышал изнутри два стука твердого предмета о дерево — так Шэнь Цюэ отвечал, если не успевал подойти к двери.

Шэнь Сянчжи подождал, и вскоре дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял Шэнь Цюэ, накинув длинный халат.

— Жар еще есть? — спросил Шэнь Сянчжи, входя в комнату.

Шэнь Цюэ тихо кашлянул и медленно показал руками:

— Уже лучше.

Шэнь Сянчжи обошел чайный столик и направился к окну у боковой стены. Не говоря ни слова, он выглянул наружу, а затем плотно закрыл створки:

— Снаружи метель, ты еще слаб, зачем открыл окно так широко?

Сердце Шэнь Цюэ забилося, как барабан. Линь Се только что ушел через это окно, и он не знал, успел ли тот стереть следы на снегу.

Он не привык лгать и, опустив голову, пробормотал:

— Проснулся, стало душно, вот и открыл проветрить.

Шэнь Сянчжи ничего не ответил, вернулся к столику. Чашка воды, которую Шэнь Цюэ налил Линь Се, все еще стояла там. Он сел и перевел взгляд на кровать.

Фарфоровая подушка-тигр валялась на краю, постель была в беспорядке.

Он вырастил Шэнь Цюэ, и тот всегда был очень чистоплотным. Даже будучи больным, он не допустил бы такого хаоса.

Это было на него не похоже.

Шэнь Цюэ, кажется, заметил это и нарочно сел на край кровати, прикрывая подушку собой.

Он пытался тайком разгладить смятые одеяла, когда Шэнь Сянчжи снова заговорил. От неожиданности Шэнь Цюэ вздрогнул.

— Среди ночи кто-то еще заходил к тебе?

Шэнь Цюэ покачал головой и неуверенно соврал:

— Приснился кошмар, вот все и разбросал, только собирался привести в порядок, как вы пришли.

Это было наполовину правдой: кошмар действительно был, поэтому лицо его до сих пор выглядело бледным.

Неизвестно, поверил ли Шэнь Сянчжи, но он достал из-за пазухи лист бумаги и протянул Шэнь Цюэ:

— Шэнь Ло просил передать тебе перед отъездом.

Шэнь Цюэ взял письмо. На бумаге не было ни слова, лишь несколько живых рисунков — человечки изображали язык жестов. Шэнь Цюэ дернул уголок рта и невольно тихо рассмеялся.

Шэнь Ло оставил ему послание: Пожалуйста, не скучай.

Многие в поместье знали, что он неграмотен, но только Шэнь Ло проявлял к этому такое участие.

— Когда ушел старший брат? — спросил Шэнь Цюэ.

Шэнь Сянчжи ответил:

— В день зимнего солнцестояния, двадцать девятого, еще до рассвета.

Шэнь Цюэ замолчал, вспомнив талисман безопасности, который он просил в Храме Десяти тысяч Будд. Он машинально потянулся к поясу, но нащупал пустоту.

Оглядевшись, он увидел, что его одежда после того дня уже выстирана и аккуратно сложена в ногах кровати.

Только мешочек для благовоний не тронули. Неизвестно, когда он пропитался кровью, и второй талисман внутри тоже был испачкан.

С тяжелым сердцем он повесил талисман у изголовья рядом с четками. Этот талисман он просил для Вашего Высочества, жаль, что кровь его осквернила.

Другой талисман, должно быть, забрал Шэнь Ло. В ту ночь, когда он вернулся из тюрьмы, его охватил жар, и в полубреду он видел лицо Шэнь Ло.

Словно что-то вспомнив, он дрожащими, испачканными в крови руками развязал мешочек.

Увидев, что он достал талисман, Шэнь Ло разрыдался. Коллега, помогавший ему, опешил:

— Мужчины не плачут по пустякам, что ты делаешь?

— Да пошел ты, — Шэнь Ло зло вытер слезы и сказал сквозь рыдания, — это мой родной брат!

Шэнь Сянчжи, наблюдая, как Шэнь Цюэ бережно поправляет вещи у изголовья, тихо сказал:

— Хотя Мяо Цзунпин и его слуги твердили, что ты убийца, и даже привели монахов в свидетели, в храме нашлось немало зорких людей. К тому же, стоило тюремщикам применить к тем свидетелям пару палок, как они тут же отказались от своих слов.

— Дело дошло до Святейшего. Император понял, что Мяо Цзунпин просто выместил на тебе злобу, и заставил его извиниться перед Вашим Высочеством. На этом решили замять дело.

Он не сказал, что всех монахов, давших лживые показания, Се Шигуань приказал лишить языков. А десяток слуг Мяо Цзунпина прошли через пытки, и даже если выжили, то остались калеками.

— Мяо Цзунпин знает, что нужно выбирать жертву послабее. Если бы он схватил другого телохранителя Вашего Высочества, его самоуправство сочли бы тяжким преступлением.

Но он схватил Шэнь Цюэ — купленного раба. По закону слуги приравнивались к скоту, поэтому, как ни крути, Мяо Цзунпина могли обвинить лишь в разбое.

Шэнь Цюэ вернулся целым, хоть и сильно избитым. Маленький император, взвесив все за и против, не стал наказывать родного дядю ради какого-то низкого раба, поэтому дело решили спустить на тормозах.

Шэнь Цюэ ожидал такого исхода. Он не чувствовал себя обиженным: то, что Ваше Высочество не пострадал из-за его дел, было для него лучшей наградой.

<http://bllate.org/book/19999/1972163>